
ФОЛЬКЛОРИЗМ

УДК [82-2+398]:811.554
DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

Тематика фольклора и языка в пьесе юкагирского драматурга Геннадия Дьячкова «Розовая чайка»

Т. В. Краюшкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Аннотация

На материале пьесы Г. Дьячкова «Розовая чайка» с привлечением фольклорных источников исследуется тематика фольклора и языка. Драматург активно вводит в текст пьесы юкагирские легенды, песни, обращения, использует русские поговорки. Тема языка представлена реализацией русского языка в ряде его форм, рассуждениями о юкагирском языке и незначительными примерами из него. Делаются выводы об особой ценности для Г. Дьячкова юкагирского языка, в то же время юкагирский фольклор не воспринимается как уходящее явление, нуждающееся в сохранении; фольклор юкагири активно работает на создание сюжета пьесы и образов; фольклоризм трактуется одной из разновидностей эволюции фольклора.

Ключевые слова

Геннадий Дьячков, «Розовая чайка», литература юкагири, драматургия, фольклор юкагири, юкагирский язык, русский фольклор, русский язык, фольклоризм

Для цитирования

Краюшкина Т. В. Тематика фольклора и языка в пьесе юкагирского драматурга Геннадия Дьячкова «Розовая чайка» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (вып. 51). С. 142–152. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

The subject of folklore and language in the play “The Pink Seagull” by Yukaghir playwright Gennady Dyachkov

T. V. Krayushkina

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract

The preservation of the language and folklore of the indigenous peoples of the North is a pertinent concern within the context of Russian humanitarian science. Of significance is their realization in fiction. This article analyzes the theme of folklore and language as portrayed in the play “The Pink Seagull” written by the Yukaghir playwright Gennady Dyachkov, with a focus on understanding their roles and connections. The analysis encompasses both the textual content of the play and various folklore sources, such as folk leg-

© Т. В. Краюшкина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

ends, songs, Yukaghir addresses, and Russian paremias. The playwright effectively employs the literary device of folklorism, incorporating folklore into the dialogue of the characters in order to develop the plot and imagery. The theme of language is exemplified through the utilization of the Russian language in various forms and considerations about the Yukaghir language with minor illustrations. It can be concluded that G. Dyachkov perceives folklore and the language of the Yukaghirs as phenomena of differing levels of importance. The Yukaghir language is depicted as dying, the value of which is undoubted. However, the Yukaghir folklore is not perceived as a passing phenomenon that needs to be preserved. The Russian language in the play holds a dominant significance compared to Russian folklore. The characters all speak Russian, which serves as an indicator of their erudition and fulfills the functions of accurate or erroneous identification. Folklorism is regarded as a variant of folklore evolution, with the author's work functioning as a repository for numerous works of Yukaghir folklore.

Keywords

Gennady Dyachkov, "The Pink Seagull," Yukaghir literature, dramaturgy, Yukaghir folklore, Yukaghir language, Russian folklore, Russian language, folklorism

For citation

Krayushkina T. V. Tematika fol'klora i yazyka v p'ese yukagirskogo dramaturga Gennadiya D'yachkova "Rozovaya chayka" [The subject of folklore and language in the play "The Pink Seagull" by Yukaghir playwright Gennady Dyachkov]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 142–152. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

Введение

Имя юкагира Геннадия Дьячкова (1946–1983 гг.)¹ – одно из значимых в литературе коренных народов Севера. За недолгую жизнь Г. Дьячков проявил себя как талантливый прозаик, драматург, поэт. Пьеса «Розовая чайка» по праву считается жемчужиной его творчества. Не одно десятилетие актуальна для гуманитарной российской науки проблема сохранения языка и фольклора коренных народов Севера. Значимой представляется реализация этой проблемы в художественной литературе. Исследователи отмечают, что проблема сохранения родного языка – одна из ведущих для драматурга: «Автор воспевает красоту и богатство родного языка, его возможности» [Огорокова 1999: 38]; «В драме Г. Дьячкова "Розовая чайка" звучит обеспокоенность за судьбу ... языка народностей Крайнего Севера» [Билукина 2011: 14]. Не остается без внимания и обращение к фольклору: «В драматургии Геннадия Дьячкова очень ярко отражены фольклорные жанры, такие как легенды, предания и песни» [Атласова 2016: 76]. При этом к настоящему времени опубликована только одна работа, где более подробно говорится о фольклоризме в пьесе «Розовая чайка», причем внимание сосредоточено на фольклорном образе Ярхаданы [Прокопьева 2015]. Однако исследования, в котором в полном объеме были бы рассмотрены темы фольклора и языка в пьесе Г. Дьячкова «Розовая чайка», прежде не проводилось. В этом состоит новизна данной работы.

Цель статьи – исследовать тематику фольклора и языка, представленную в пьесе «Розовая чайка», выявить их функции и соотношения. Материалом исследования послужила пьеса Г. Дьячкова «Розовая чайка», а также народные легенды, песни, паремии.

1. Тема фольклора

Тема фольклора широко представлена в исследуемой пьесе. Г. Дьячков активно прибегает к такому инструменту, как включение фольклорных текстов. Легенда становится ведущим фольклорным жанром, на который ориентируется драматург, выбирая наименования пьесы и ее характеристики. Отсылка к этому жанру вынесена в заглавие произведения. Автор дал пьесе два названия: основное – «Розовая чайка», дополнительное – «Ярхадана». Фольклор, связанный с образом Ярхаданы, сосредоточен исключительно в первой картине. Автор со-

¹ Геннадий Дьячков родился в с. Нелемное Верхнеколымского района; представитель таежных юкагириров. Учился в Литературном институте им. М. А. Горького, ВГИКе, МГУ. Владел юкагирским языком, но писал свои произведения на русском. Активно печатался в республиканских и центральных журналах. Первая книга – «Казбек» – была подготовлена самим автором, но вышла уже после его смерти в 1984 г. Г. Дьячкову было отмерено прожить 37 неполных лет – не выдержало сердце (биографические сведения приведены по: Огорокова В. Б. Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. С. 51–59).

блюдает логику между основным и дополнительным наименованиями пьесы и очередностью легенд: первым фольклорным произведением, включенным в текст пьесы, оказывается легенда о розовой чайке (вернее, о розовых чайках), вторым – легенда о Ярахадане.

Ценно и пояснение, которое дает драматург, характеризуя жанр своего произведения: *«современная легенда в одном действии, трех картинах»* [Дьячков 2003: 69]. Уже в названии автор заявляет об обращении к фольклорному наследию юкагиров и акцентирует внимание читателя на синтезе авторского слова и устного народного творчества, симбиозе литературных родов эпоса и драмы, где эпическое начало коррелирует с содержанием, а драматическое – с формой.

Легенду о розовой чайке рассказывает Кириллу Ярахадана, когда делится с ним тайным желанием – *«лечить диких зверей и птиц»* [Там же: 72]. Именно после этого главная героиня говорит Кириллу о том, сколько зверей и птиц ранят *«плохие охотники»*, а *«многие [животные] уже вымирают»* [Там же: 72]. К числу редких Ярахадана относит розовую чайку, птицу *«красоты необыкновенной... Садятся на воду, кажется – заря окрасила ее в розовый цвет. Есть про них легенда»* [Там же: 72]. Так девушка переводит разговор из мира реального в фольклорное пространство: *«Жили в одном селе две красивые девушки. Им хотелось стать еще красивее. И как-то зимой пошли они к шаману. А это был злой шаман. Он им и говорит: “Как будет самый жестокий мороз, ... разденьтесь и искупайтесь в проруби. И тогда вы станете красивее самой природы”. Послушались девушки и в самый мороз побежали к проруби. И замерзли... А их души, стремившиеся к красоте, вылетели и превратились в розовых чаек»* [Там же: 72]. Кирилл, лингвист, приехавший изучать юкагирский язык, дает легенде высокую оценку: *«Я обязательно запишу эту легенду. Она очень поэтична»* [Там же: 72]. При этом в тексте пьесы не упоминается о том, выполнил ли главный герой свое обещание.

В 2020 г. был опубликован сборник юкагирской культуры «Мит лэбиэ» («Наш мир»), куда включена и легенда о розовой чайке, записанная на русском языке. Легенду предваряет вступление о редкости птицы, что перекликается с содержанием пьесы: *«Вплоть до 30-х годов XX века розовая чайка считалась мифической птицей, в реальности не существующей. Только в начале XX века нашли ее гнездовья»* [Мит лэбиэ 2020: 46]. В легенде есть отсылка к давним временам: *«В незапамятные времена, когда юкагиров было великое множество, что зажженные ими костры освещали темное ночное северное небо, ... жила в одном стойбище одулов прекрасная юная девушка. Звали ее Халярхаа – Чайка»* [Там же]. Мотив красоты присутствует и в этой легенде, однако у героини нет желания сделать собственную внешность еще привлекательнее. Красота девушки не только сравнивается с сиянием небесных светил, но говорится и об исходящем от героини сиянии: *«Девушка так хороша была собой, что ночью затмевала матовое серебристое сияние Луны, а днем сияла вместе с яркими солнечными лучами, что вокруг нее снег на бескрайних просторах тундры искрился подобно крупинкам алмаза»* [Там же: 46–47].

В этом тексте, как и в тексте, включенном в пьесу, есть образ злого шамана, но в фольклорном тексте он, безответно влюбленный, преследует девушку: *«Юная красавица убежала от темного хищного шамана, уплывала за дальние ледяные моря, взлетала в бескрайние синие небеса, спускалась в темный подземный мир. Шаман везде находил ее»* [Там же: 47]. Превращение в розовую чайку происходит после обращения героини к богам: *«...они услышали мольбы девушки, сжалились над ней, превратили ее в прекрасную птицу и спрятали от людских глаз»* [Там же: 47].

Образ розовой чайки связан только с двумя главными героями пьесы – Ярахаданой и Кириллом, кроме того, он опоясывает повествование (пьеса завершается появлением розовой чайки). Подобный финал соотносится с финалом легенды: *«Боги сказали, когда дух злого шамана ... отправится в далекий мир предков, только тогда прекрасная девушка в виде розовой чайки вернется к людям и будет радовать глаз своей красотой»* [Там же: 47]. В пьесе будто происходит проникновение мира ирреального, который реализуется в фольклорном пространстве, в мир реальный. Именно в этом ключе появление розовой чайки и воспринимается. Но возможно и еще одно прочтение: соединение образов Ярахаданы и вернувшейся розовой чайки. Ведь именно Кирилл, полюбивший главную героиню, замечает птицу: *«Смотрите! Чайка! Розовая чайка!»* [Дьячков 2003: 91]. А завершается пьеса словами Ярахаданы, обра-

ценными к редкой птице: «*Ой, чайка, розовая чайка! Она охраняет нас. (Машет.) Чайка, розовая чайка, лети к нам!*» [Там же: 91].

Легенду о Ярхадане рассказывает Кирилл. Но его рассказ предваряет пояснение Дьячковского, председателя сельсовета, о значении имени: «*Раньше юкагиры думали, будто имя сохраняет человека. Какое имя дашь, такой он и будет. Ярхадана переводится “холодная”*» [Там же: 77]. Однако это утверждение не соответствует происходящему в пьесе – зарождающейся любви Ярхаданы к Кириллу. Бабушка видит это и одергивает внука: «*Ярхадана, ты не кушай гостя глазами, ты рыбу кушай*» [Там же: 77]. Но легенда соединяет и утверждение об имени, и осознание Кириллом любви Ярхаданы, пока не разделенной: «*А я слышал легенду. Жила девушка по имени Ярхадана. Из-за любви к одному парню она бросилась в горную речку, и речку переименовали в Ярхадану*» [Там же: 77].

Далее в разговор вступает Даша. Ее реплика выполняет функцию подтверждения, а также включения в пьесу сведений о существовании одноименной песни: «*Точно, есть такая речка, Ярхадана, и даже песня есть*» [Там же: 77]. Но последнее слово остается за бабушкой. Она поправляет Кирилла (но Дьячковского она не поправляет): «*Совсем не такая история... Жил красивый и смелый девушка, Ярхадана. У нее был длинный волос, красивый, как мех соболя. Она полюбила один парень. Он был хамначит у бай, батрак. Она его уговорила и вместе бежал. За ним погнались. Стал парень стрелять из лука, тетива порвать. Она тогда свой волос резал, тетива делал и сама стрелял. Она спас его. Они счастливы были. С той времени девочка, чтобы красивый и смелый был, называли Ярхадана*» [Там же: 77].

Согласно опубликованным источникам, существует два основных сюжета о Ярхадане. Первая легенда повествует о девушке, которая не дождалась с охоты своего любимого: «*Девушка так плакала, что от ее слез речка покрылась льдом, а сама она окаменела. С тех пор ту речку и гору называют Ярхадан, что значит “ледяная”*» [Хозяин земли 1994: 5]. Во второй легенде говорится о реке Коркодон, влюбленной в солнце и родившей от него двух дочек – две речки, носящие одно и то же имя – Ярхадана. Но дочери были лишены способности любить – «*выросли ... горделивыми и холодными*» [Фольклор юкагиров Верхней Колымы 1989: 66]. В легенде любовь оказывается побеждена безразличием: «*Дочери были такие гордые и холодные, что влюбившиеся в них два юноши превратились в голые сопки, а сами девушки – в ледяные речки. С тех пор у юкагиров существует поверье: если девушку зовут именем Ярхадан, то любовь к ней будет безответной, а сама она холодна и одинока*» [Там же]. Финал этой легенды соотносится с репликой Дьячковского.

П. Е. Прокопьева упоминает о третьем сюжете, который как раз и коррелирует с той легендой, которую рассказывает Агафья Васильевна: «*В ... легенде говорится о бесстрашной девушке Ярхадане, которая вместе с юкагирским парнем сражалась с врагом. После они поженились, и от них пошли юкагиры рек Ясачной и Коркодон (Записано автором – П. П., в 2013 г. от Л. Н. Деминой, 1950 г. р., в п. Угольное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия))*» [Прокопьева 2015: 143].

В первой картине, после того как обе легенды (о розовой чайке и Ярхадане) уже прозвучали, вплетается в текст повествования и народная песня о Ярхадане. Ее исполнение предваряет диалог бабушки, Даши и Якова. Яков рассказывает, что причина его приезда в эти края кроется в далеком прошлом: «*здесь ... геологом работал мой отец и погиб 20 лет назад*» [Дьячков 2003: 78]. И Даша тут же реагирует на это известие – сообщает о могиле утонувших 20 лет назад геологов. Бабушка, трепетно относящаяся к чувствам других людей, ругает Дашу и тут же переключает внимание на репетицию песни: «*Даша, язык твой поганый, зачем рана гость солишь? Лучшие песня самодельность готовим*» [Там же]. Именно от Даши исходит предложение спеть песню о Ярхадане, причем на юкагирском языке. Даша дает и характеристику песне: «*Это старинная песня*» [Там же].

Для Якова же ценно, что эта песня будет исполняться на юкагирском языке, он обнаруживает в этом определенную романтику [Там же: 78]. Бабушка тоже изъявляет желание петь песню: для нее это одна из возможностей продлить жизнь родному языку: «*Песня “Ярхадана” на юкагирском языке, во время песни свет на сцене гаснет, ровный голос переводит на русский язык.*

*В горных вершинах,
Где вечно сверкает лед,*

*Рождается Ярхадана,
Мать – река, холодная, как ее имя.
И несет она свои воды мимо дома,
Где живет моя любимая девушка.
Как же так случилось,
Что ее назвали холодным именем Ярхадана?
Я бы сравнил ее с солнцем и
Назвал теплым именем»* [Там же: 78–79].

После того как песня стихает, происходит смена действия.

Песни о реке Ярхадане включены в три издания [Фольклор юкагигов Верхней 1989: 57; Прокопьева 2009: 130; Фольклор юкагигов 2005: 118–119], при этом в книге В. И. Иохельсона (1900 г.) песни о Ярхадане отсутствуют. Все песни объединяет похожее описание реки: ее воды *белые* [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57], *как белое серебро* [Прокопьева 2009: 130], *белесые* [Фольклор юкагигов 2005: 118]. Во всех текстах возникает образ девушки или девушек. Значимым оказывается противопоставление динамики (она приписывается непременно текущей реке) и статики (это черта то девушки или девушек, то едва уловимого, невольного действия тальника, если о действии героини не сообщается):

*На крутом берегу
Стоят тальники.
Зимний ветер их*

Тихонько шевелит [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57].

Две песни [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57; Прокопьева 2009: 130] близки по своему содержанию песне, вплетенной в повествование пьесы: лирический герой всех трех текстов сообщает, что его любимую девушку назвали именем холодной реки. И если в песне, которая приведена в пьесе Г. Дьячкова, лирический герой активен и предлагает собственный вариант имени для любимой девушки («*Я бы сравнил ее с солнцем и / Назвал теплым именем*» [Дьячков 2003: 79]), то в песнях, включенных в фольклорные сборники, лирический герой то печалится из-за неподходящего имени и недоумевает по этому поводу («*Зачем так случилось? / Мою любимую девушку / Назвали именем Ярхадана. / Зачем так назвали!*» [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57]), то констатирует факт неподходящего имени («*Мою любимую девушку / Назвали именем Ярхадана*» [Прокопьева 2009: 130]).

Третий фольклорный текст любовной линии не содержит, однако сохраняются два значимых образа – реки и девушек [Фольклор юкагигов 2005: 118–119], которые, как и в рассмотренных выше песнях, – в платочках. При этом если в двух первых песнях повествуется о *белых*, как и воды холодной реки, платочках, то в третьей песне платочки уже *шелковые*, однако девушки плачут: «*Те самые белые / Серебряные слезы, / Вытирая, стоят*» [Там же: 119]. Именно приведенный в пьесе вариант народной песни в большей мере соответствует сюжетной линии произведения Г. Дьячкова: Кирилл, вначале равнодушный к Ярхадане, вдруг с удивлением обнаруживает ее достоинства.

В картине второй упоминается исполнение песни, причем исполнение это групповое. Даша описывает его так: «... *Яков вошел и с порога вместо “Здравствуйте” говорит: “Давайте репетировать”. Мы сразу и запели. ... А Яков и сейчас с Ярхаданой репетирует*» [Дьячков 2003: 84]. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо сведений о песне: ни язык, на котором она исполняется, ни принадлежность к той или иной культуре, ни название или содержание не обозначены. Герои сразу поддерживают предложение Якова и начинают петь, никто не противится. При этом песня выполняет функцию объединяющего начала – ложной любовной линии: влюбленный в Ярхадану Егор подозревает девушку в связи с Яковым.

Г. Дьячков включает в свое повествование и жанр обращения (так его называет В. И. Иохельсон). В исследовании В. И. Иохельсона приведены обращения к солнцу, реке, огню, старому дереву, медведю [Иохельсон 1900: 121, 122]. П. Е. Прокопьева именует их *текстами шаманских песен* [Прокопьева 2012: 120], они адресованы «Реке, Земле, Небу и Огню, молитвы духу Лося, обращения к добытому медведю и др.» [Прокопьева 2012: 120].

Первое из них является рассказом Даши о действиях Агафьи Васильевны и Ярхаданы (картина первая). Даша рассказывает Кириллу о Ярхадане, которая вылечила Дашу от боли в горле народным способом – ледяной водой, и характеризует ее следующим образом, вынося

главную героиню за рамки нормального и реального мира: «Она неплохая. Немного... (Показывает на голову.) Почти шаманка, только хорошая» [Дьячков 2003: 74]. Так Ярхадана превращается в своего рода медиатора, соединяющего реальный и мистический миры. При этом ее бабушку Даша однозначно относит к миру мистическому: «Какая там медицина! Колдовство. Бабка шаманка, вот и научила. Огонь в печке затрещит, она кричит: “Ярхадана, дай поесть огню сахар, масло, хлеб”. Вино в огонь льет, мед в реку бросает и кричит: “Мать-река, хорошо меня носи...”» [Там же]. В книге В. И. Иохельсона приведены тексты обращения к воде-матери и реке-матушке. Такое же – родственное – обращение к реке использовано и в пьесе Г. Дьячкова. При этом в произведении Г. Дьячкова сначала описано жертвоприношение, а после – просьба. В тексте же обращения В. И. Иохельсона отражен обратный порядок: «Вода-мать, гды давай. На своей поверхности нась хорошо веди. Это для твоих ребятъ игрушки возьми» [Иохельсон 1900: 121]. Основным элементом обращения к реке в словах Даши представлена просьба благополучного передвижения по воде.

Второе обращение автор вкладывает в уста бабушки. Обращение предваряет благопожелание: «Все спать легли. Хороший сон вам, людям, зверям, птичкам и уткам. Злой дух не ходи наш дом, хороший пошалыста» [Дьячков 2003: 79]. Второе обращение показывает доброту Агафьи Васильевны и любовь к миру и ко всем, населяющим его. Обращает на себя внимание, что бабушка саму себя не включает в список тех, кому адресовано благопожелание.

Третье обращение возникает в конце первой картины. Ярхадана слышит разговор Кирилла и Якова о ней. Кирилл, в которого главная героиня влюблена, называет девушку *дикой* [Там же: 82] и пересказывает слова Даши о Ярхадане и Агафье Васильевне: «Тут ее лучшая подружка говорила, что она жестокая и холодная, что бабка ее шаманка и она тоже» [Там же]. Именно как отклик на обозначенную характеристику и возникает в пьесе третье обращение, которое носит интерпретационный характер, исходит из самого сердца влюбленной героини. В тексте представлен призыв сразу к нескольким силам и объектам природы, что в исследованных фольклорных источниках не выявлено: «Мать-природа, лес мой родной, река моя чистая, лиственница – сестра моя родная! Помогите мне, птицы, зверюшки, хариусы быстрые, налимы скользкие. Помогите мне, розовая чайка, душа моя, розовеющая в небе. Все, с кем чувствую родство, листики, травки, бурундуки полосатые. Помогите мне, всесильный огонь, не я ли кормила хлебом, мясом, вином... всех вас люблю... Помогите, дайте мне только одного человека!» [Там же].

При этом стабильным элементом является указание на близкое кровное родство с некоторыми адресатами (природой, лесом, лиственницей, листиками, травками, бурундуками), с другими же адресатами родство не обозначено (птицами, зверюшками, хариусами, налимами, огнем). При этом лиственница (в традиционной картине мира юкагиров это дерево связано с культом предков) представлена как единственный объект, что сближает ее с силами природы и отдаляет от объектов природы. Особняком стоит обращение к розовой чайке (тому самому образу, что вынесен в основное название пьесы). Так Ярхадана среди прочих сил и объектов природы обращается и к своей душе, воплощенной в одном из редких объектов.

Четвертое и пятое обращения появляются во второй картине. Четвертое обращение является логическим ответом на третье – просьбу Ярхаданы подарить ей любовь Кирилла, при этом оно транслирует благодарность главной героини. Адресаты представлены в сжатом объеме, однако все так же значимыми элементами является родство с ними: «Мать-река, лес мой, звери и птицы, спасибо вам! Я счастливая! Я чувствую, Кирилл любит меня. И у меня есть брат. Большой, сильный, красивый» [Там же: 86].

Пятое обращение одновременно подтверждает третье и встраивается в шкалу *отрицание – принятие* традиционной культуры как элемента реальной картины мира с первым обращением. Если Кирилл, слушая рассказ Даши об обращении Ярхаданы к силам природы, безоговорочно принимает мнение Даши, то ближе к финалу второй картины он неосознанно для себя переходит на сторону Ярхаданы и уже сам обращается к силам природы. Кирилл говорит им о своей любви к Ярхадане, узнав, что кисет, сшитый руками девушки, в культуре юкагиров является подтверждением любви к мужчине: «Сама сшила... Мать-природа, лес, река-кормилица, птицы, звери, я люблю эту девушку» [Там же: 87]. Так традиционное мировоззрение становится частью мировоззрения Кирилла. Родство с силами и объектами природы в обращении Кирилла менее выражено. Герой обозначает только свое близкое родство с приро-

дой, называя ее матерью. Формы же наименования других адресатов, используемые в обращении Кирилла, указывают как на иерархию сил и объектов природы, так и на меньшую, в сравнении с юкагирами, связь героя, русского и приезжего человека, городского жителя, с силами и объектами природы.

Очевидно, что в пьесе Г. Дьячкова доминирует фольклорная картина мира юкагиров. Однако представление о фольклоре в анализируемом произведении будет неполным без упоминания трех текстов русского устного народного творчества, которые вкладываются в уста Степана, уроженца Вологодской области и бывшего зека. Первый текст возникает в начале первой картины, когда Степан и Егор появляются в доме приезжих. Происходит следующий диалог, в котором звучит дразнилка:

«Егор. Эй, ученый!»

Степан. Фрукт моченый...

Кирилл. Вы слишком много себе позволяете» [Там же: 70]. Степан к обращению Егора добавляет свою реплику, и получается дразнилка. Егор пытается сгладить ситуацию: *«Мы только хотели узнать, где Ярхадана?»* [Там же].

Два других текста появляются во второй картине. После того как Кирилл, знаток фени, говорит на ней со Степаном, желая его разыграть, Степан опознает в нем своего и доносит эту мысль до Егора: *«Ты слышал, как он на фене болтает... Рыбак рыбака видит издалека...»* [Там же: 83]. В пьесе поговорка констатирует ошибочное узнавание.

Третий текст – заклинание. Он также связан с ошибочным узнаванием, но уже другого рода. Степан, освещая лицо Якова, от неожиданности *«роняет фонарик»* [Там же: 85]. Степан принимает недавно приехавшего Якова за его отца – убитого 20 лет назад геолога: *«Степан (отмахивается). Чур меня, чур! Сгинь...»* [Там же]. Именно Даша, отрицающая потустороннее, указывает Степану на его ошибку: *«Очнись, Степан. Это новый завклубом»* [Там же]. Приведенные паремии являются характеристикой картины мира русского по национальности героя.

2. Тема языка

Тема языка в пьесе Г. Дьячкова «Розовая чайка» представлена двумя уровнями: во-первых, реализация языка в ряде его форм, во-вторых, рассуждения о юкагирском языке. Герои пьесы говорят преимущественно на русском литературном языке (Кирилл, Ярхадана, Яков, Даша, Дьячковский). Агафья Васильевна, 70-летняя юкагирка, со всеми разговаривает на пиджине, только с ней на пиджине общается Дьячковский, 40-летний юкагир, председатель сельсовета, что является своего рода проявлением уважения к женщине, которая нянчила его в детстве. Именно русский по национальности Кирилл инициирует появление юкагирского языка в пьесе: по его просьбе Агафья Васильевна учит лингвиста юкагирским словам. Уголовный жаргон употребляют в своей речи 40-летний лесник Степан и перенявший от него феню 19-летний лесник Егор. Степан, родом из Вологодской земли, еще сохранил в своей речи элементы диалекта. А. А. Билюкина так характеризует тему языка в пьесе: *«Литературный язык приезжих из центра и жаргонная прибалтненнная речь бывших заключенных и искателей удачи, искажающая русскую речь местного населения и влияющая на его ментальность, подчеркивают сложность нравственной ситуации в обществе. Исковерканная русская речь и исчезающий язык коренного населения пагубно отражаются на духовном состоянии человека и этноса»* [Билюкина 2011: 15].

Внимания заслуживают примеры из юкагирского языка. Кирилл спрашивает бабушку, как называется тот или иной предмет: *«Уже месяц на небе... Кстати, как луна по-юкагирски?»* [Дьячков 2003: 70]. Бабушка реагирует на его вопрос весьма однозначно: *«Раза четыре в день здороваается. Аккаары – дурак. (Ему.) Кундя»* [Там же]. *«Кирилл (пишет на карточке). ...Повторите еще. (Бабушка повторяет.) Здесь, кажется, носовой звук... Да, уже много слов записал»* [Там же]. Еще одно упоминание юкагирского слова связано с попыткой Кирилла расшифровать имя Ярхаданы и увидеть через имя ее характер: *«Странная девушка... И имя странное. “Ярха” – лед по-юкагирски... Холодная. Как она улыбалась!»* [Там же: 73]. Кроме трех представленных выше юкагирских слов в тексте пьесы есть упоминание об исполнении песни на юкагирском языке (однако Г. Дьячков текст на юкагирском не приводит – дает лишь перевод на русский) [Там же: 78].

Любопытно сочетание диалекта и воровского жаргона в речи Степана. Оно указывает на чуждость юкагирам, их земле и предвещает обнаружение в нем отрицательного героя. «Э, хитришь-мудришь, ученый. С той поры, как ты сюда прикатил, девчонка носа не кажет на гулянье» [Там же: 71]. И Кирилл сразу узнает вологодский диалект, а затем и воровской жаргон, сам начиная сыпать такими словами и выражениями, как «у хозяина гостил», «картишками передергивать», «без спросу одолжил» и т. д. [Там же], вводя Степана в заблуждение. Во второй картине слова из воровского жаргона появляются в речи Егора. Он именует Дашу «чувырлой», «марухой» [Там же: 83], что служит определенной характеристикой девушки. При этом Ярхадана в его восприятии – другого порядка:

«Даша. Ее-то ты чувырлой не обзовешь...»

Егор. Она не такая. Она чистая, как талая вода» [Там же: 84].

Отсылка к воровскому жаргону (при этом вологодский диалект уже не звучит; в этом обнаруживается истинная суть Степана) появляется и в третьей картине, когда он пытается застрелить Якова. Яков хочет узнать правду, показывая кольцо своего убитого отца, но Степан переносит вину на друга: «Не я, не я... Это кореш...» [Там же: 91].

Г. Дьячков (кстати, написавший пьесу на русском языке; представляется, что это связано с возможностью озвучить проблему сохранения юкагирского языка перед широким кругом читателей / зрителей) тяжело переживал умирание родного языка. В первой картине драматург четырежды обращается к этому вопросу. Впервые данная тема звучит в монологе пожилой носительницы юкагирского языка, которая видит причину смерти родного языка в изменении образа жизни молодого поколения, не остается без внимания и такой факт, как незначительное количество юкагириков, знающих юкагирский язык: «Молодежь такой пошла. Хи-хи, ха-ха и прыгать под музыку. Допрыгает. Язык юкагирский забыл, я тоже забывай начал. Говорю, думаю на ломаный язык. С кем будешь на свой язык разговаривай. Очень мало» [Там же: 69]. Однако Кирилла, изучающего уходящий язык, Агафья Васильевна воспринимает исключительно с бытовой точки зрения: видит в нем неудачливого мужчину, а его деятельность в сохранении языка не осознает: «Проснулся ученый. Языки учила, разве дело это... Бумага смотрит, бумага пишет, ночью читает, днем спит. А память нету. Все меня спрашивает и пишет. Лучше на охота ходил, рыба ловил. Как может бумага человека кормить? Поэтому он холостой, как он жена будет кормить, а дети...» [Там же: 69–70].

Кирилл записывает от бабушки очередное юкагирское слово и выражает сожаление: «Жаль, что молодые уже не знают языка» [Там же: 70]. В речи Агафьи Васильевны возникает упоминание трех языков, что отражает реальную языковую картину: «Молодежь вся такая. Говорит Ярхадане по-юкагирски, по-якутски, отвечал мне только по-русски. Бич скоро станет» [Там же]. Бабушка поясняет, что, по ее мнению, «бич – это который на месте покоя нет. Разве такой человеком станет?» [Там же].

Третий раз слова об умирании языка вкладываются автором в уста Якова. Когда Даша предлагает спеть песню на юкагирском языке, Яков уточняет: «На юкагирском языке? Здорово! На языке, на котором через 50 лет никто и говорить не будет. Сразу включу в репертуар» [Там же: 78]. Яков в угасании юкагирского языка видит, скорее, экзотику. В. И. Иохельсон, участвовавший в 1895–1897 гг. в Якутской экспедиции, писал о верхнеколымском наречии: «Изучение языка, на двух наречиях которого говорят теперь всего около 500 человек (200 чел. на верхнеколымском наречии и 300 на тундренном), есть труд весьма неблагодарный в практическом отношении, но смеем думать, для этнологии результаты этого изучения имеют тем большее значение, что в них собрана значительная часть из того, что еще сохранилось о языке и фольклоре древнего племени крайнего северо-востока Азии, племени, дни которого сочтены» [Иохельсон 1900: 15].

Четвертую реплику о юкагирском языке произносит Кирилл. Герой возвращается с охоты и обращается к Ярхадане: «Я бродил все утро по лесу. ... Я думал о вас, Ярхадана, о бабушке, о юкагирском языке. Умирает язык – это трагедия. Юкагириков осталось 400, а владеет языком сто. Главное, ничем нельзя помочь – это естественный процесс. Умирает язык очень интересный, малоизученный» [Дьячков 2003: 86]. Для Кирилла язык оказывается отличительной и очень важной чертой народа. Ярхадана чувствует это и отвечает: «Но ведь люди остаются» [Там же].

Заключение

В пьесе «Розовая чайка» очевидны четыре основные пары, элементы которых противопоставляются: юкагирский язык и юкагирский фольклор, русский язык и русский фольклор, юкагирский язык и русский язык, юкагирский фольклор и русский фольклор. Для Г. Дьячкова фольклор и язык юкагигов – явления, имеющие разную значимость. Язык юкагигов изображается как умирающий, ценность которого люди (за исключением Кирилла и бабушки) не осознают, при этом весьма четко прослеживается позиция автора, радеющего за сохранение родного языка. В то же время юкагирский фольклор не воспринимается как уходящее явление, нуждающееся в сохранении (ни в восприятии героев, ни в позиции самого драматурга). Подтверждением особой ценности юкагирского языка является его фиксация, при этом о фиксации фольклорного произведения упоминается только один раз.

У фольклора юкагигов особая функция: он работает более активно на создание сюжета «Розовой чайки» и образов. Удивительно, но именно фольклору уделяется большее внимание, при всей его очевидно меньшей, чем у языка, для драматурга значимости, которая транслируется в пьесе. Существует привязка (или стремление) положительных героев к мировоззрению, фольклору, языку юкагигов, а отрицательных – к фольклору и языку русских (при этом нельзя с точностью сказать, к какому именно народу принадлежит, например, лесник Егор). Однако стремятся сохранить язык и фольклор юкагигов именно русские образованные люди (Кирилл и Яков). Обращение к записям устного народного творчества юкагигов конца XIX – начала XXI вв. подтверждает оригинальность и достоверность фольклорных текстов, включенных в пьесу. Т. А. Голованева говорит о «межпоколенческой трансляции культурной памяти» [Голованева 2020: 41], которая присуща опубликованным фольклорным текстам. Подобным потенциалом обладает и включение фольклорных текстов и примеров из языка в произведение художественной литературы. Так фольклоризм выступает как одна из разновидностей эволюции фольклора: авторское произведение становится своего рода хранилищем ряда произведений устного народного творчества. Юкагирский фольклор является ведущим, русский же едва упоминается.

Русский язык в пьесе превалирует в сравнении с русским фольклором, который представлен лишь несколькими паремиями. Автор не ставил перед собой задачи сравнить юкагирский и русский языки и обнаружить причины исчезновения первого от доминирования второго, однако юкагирский язык в пьесе как средство общения не представлен. Русский же язык не только единственное средство общения, но и показатель эрудиции, выполняет функции настоящей или ошибочной идентификации.

Список литературы

- Атласова Э. С.* Фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей // Научный электронный журнал Меридиан. 2016. № 2 (2). С. 76–81.
- Блюкина А. А.* Литература народов Севера на сцене саха театра // Вопросы филологических наук. 2011. № 3. С. 14–16.
- Голованева Т. А.* Автобиографический нарратив в контексте культуры миноритарного этноса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (35). С. 33–42.
- Дьячков Г. А.* Розовая чайка (Ярхадана). Современная легенда // Дьячков Г. А. Полет розовой чайки. Якутск: Бичик, 2003. С. 69–91.
- Жукова Л. Н., Николаева И. А., Демина Л. Н.* Фольклор юкагигов Верхней Колымы. Ч. 2. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. 89 с.
- Окорокова В. Б.* История литератур народов Севера Якутии: учеб. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 83 с.
- Прокотьева П. Е.* Обрядовый фольклор лесных юкагигов в XXI в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2012. № 2 (5). С. 120–125.
- Прокотьева П. Е.* Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 142 с.

Прокопьева П. Е. Юкагирские легенды о Ярхадане: фольклорные интерпретации и литературное осмысление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–1 (54). С. 143–147.

Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

Фольклор юкагиров Верхней Колымы: хрестоматия. Ч. I / под ред. И. А. Николаевой. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. 160 с.

Хозяин Земли: легенды и рассказы лесных юкагиров / сост. Л. Жукова, О. Чернецов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. 100 с.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагиров (тексты с переводом). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. 240 с.

Мит лэбиэ (Наш мир): сб. юкагирской культуры / сост. О. И. Жиркова. Якутск: Издательско-фондовый отдел АУ РС (Я) РДНТ и СКТ, 2020. 60 с.

References

Atlasova E. S. Fol'klornye motivy v proizvedeniyakh yukagirskikh pisateley [Folklore motifs in the works of Yukaghir writers]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 2016, no. 2 (2), pp. 76–81. (In Russ.)

Bilyukina A. A. Literatura narodov Severa na stsene sakha teatra [Literature of the peoples of the North on the stage of the Sakha Theatre]. *Voprosy filologicheskikh nauk*. 2011, no. 3, pp. 14–16. (In Russ.)

Golovaneva T. A. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste kul'tury minoritarnogo etnosa [Autobiographical narrative in the context of the culture of a minority ethnic group]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2020, no. 1 (35), pp. 33–42. (In Russ.)

D'yachkov G. A. Rozovaya chayka (Yarkhadana). Sovremennaya legenda [Pink Seagull (Yarkhadana). A modern legend]. In: D'yachkov G. A. *Polet rozovoy chayki* [Flight of the pink seagull]. Yakutsk, Bichik, 2003, pp. 69–91. (In Russ.)

Fol'klor yukagirov [Yukaghir Folklore]. G. N. Kurilov (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; vol. 25). (In Russ.)

Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy: khrestomatiya. Ch. I [Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma: Anthology. Pt. I]. I. A. Nikolaeva (Ed.). Yakutsk, YaSU Publ., 1989, 160 p. (In Russ.)

Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. I. Obraztsy narodnoy slovesnosti yukagirov (teksty s perevodom)* [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore, collected in the Kolyma district. Pt. I. Examples of Yukaghir folk literature (texts with translation)]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1900, 240 p. (In Russ.)

Khozyain Zemli: legendy i rasskazy lesnykh yukagirov [Master of the Earth: legends and stories of the forest Yukaghirs]. L. Zhukova, O. Chernetsov (Comps.). Yakutsk, YaSU Publ., 1994, 100 p. (In Russ.)

Mit lebie (Nash mir): sb. yukagirskoy ku'tury [Mit labie (Our world): Collection of Yukaghir culture]. O. I. Zhirkova (Comps.). Yakutsk, AU RS (Ya) RDNT i SKT Publ., 2020, 60 p. (In Russ.)

Okorokova V. B. *Istoriya literatur narodov Severa Yakutii: ucheb. posob.* [History of literatures of the peoples of the North of Yakutia: textbook]. Yakutsk, YaSU Publ., 1999, 83 p. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. Obryadovyy fol'klor lesnykh yukagirov v 21 v. [Ritual folklore of the forest Yukaghirs in the 21st century]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2012, no. 2 (5), pp. 120–125. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. *Otrazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klоре* [Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 142 p. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. Yukagirskie legendy o Yarkhadane: fol'klornye interpretatsii i literaturnoe osmyslenie [Yukaghir legends about Yarkhadan: Folklore interpretations and literary understanding]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 12–1 (54), pp. 143–147. (In Russ.)

Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Demina L. N. *Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy* [Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma]. Yakutsk, Yakutsk Univ. Publ., 1989, pt. 2, 89 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.08.2024*

Сведения об авторе

Татьяна Владимировна Краюшкина – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, заведующая, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
E-mail: krayushkina@ihaefe.ru

Information about the Author

Tatiana Vladimirovna Krayushkina – Doctor of Philology, Professor FEB RAS, Head, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS (Vladivostok, Russia)
E-mail: krayushkina@ihaefe.ru